

Саша Черный известен в первую очередь как поэт-сатирик, автор блестящих уморительно-смешных и гневно-разящих стихотворений. Другие его таланты менее известны читающей публике.

Между тем, во второй (эмигрантской) половине своего жизненного пути Саша Черный проявил себя по преимуществу как детский писатель. Немало чудесных книжек, обращенных к маленьким читателям, выпущено им на чужбине — начиная с «Детского острова» и кончая «Белкой-мореплавателицей», изданной посмертно в 1933 году.

Обращение его к литературе для самых маленьких не было случайным. Саша Черный принадлежал к андерсеновской породе людей, посвященных в тайный сговор зверей, трав и предметов. Одним из секретов его волшебства (не мастерства, а именно волшебства) было умение перевоплощаться. Без всякого труда он мог представить себя... кем? — ну хотя бы мышью, легкомысленно забравшейся в чемодан и появившейся таким образом из Парижа в Брюссель.

С этой забавной историей, рожденной писательской фантазией Саши Черного и напечатанной впервые в 1926 году в парижском журнале «Иллюстрированная Россия», предлагаем познакомиться нашим читателям.

Но почти всегда в основе мысли Саши Черного лежит реальная подоплека. И в данном случае тоже. Недавно в «Российском литературоведческом журнале» были опубликованы воспоминания вдовы Саши Черного Марии Ивановны Гликберг, которые она надиктовала незадолго до своей кончины.

Там, в частности, рассказывается, что в 1925 году Саша Черный дважды посетил Брюссель, для выступления перед русской колонией, возглавлявшейся сыном Герцена. После первого вечера, прошедшего с громадным успехом, к Саше Черному подошел человек, представившийся Уткиным.

«Этот человек хотел непре-

Русская мысль. — Парит. — 1996. — 28 нояб. — с. 77

О мышши, которая легкомысленно забралась в чемодан

менно как-нибудь отблагодарить Сашу за небольшую услугу, которую мы когда-то оказали ему в России, — пишет Мария Ивановна. — Он пригласил нас к себе, познакомил со своей женой и дочкой, угощал ужином и взял с Саши слово, что мы приедем к нему летом погостить».

Однако вторая поездка оказалась неудачной: Саша Черный в Брюсселе схватил воспаление легких и пролежал больной почти месяц в квартире Уткиных. Вероятно, во время этого вынужденного пребывания в брюссельской квартире и родился в его голове сюжет о мышши: а что если действительно с ним путешествует мышшь? как она себя поведет на новом месте?

Сейчас завершается издание 5-томного собрания Саши Черного в издательстве «Эллис Лак». Последний том отдан произведениям Саши Черного для детей. В нем собрано почти все, написанное им для маленьких — в стихах и в прозе, входившее ранее в книги и потерянное на страницах старых газет и журналов.

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ

*

В полуоткрытом чемодане завопилась мышшь. Прорыла траншею в воротничках и рубашках, вытерла старательно усики, присела на край чемодана и осмотрелась. Куда же это ее хозяин завез?.. Обоим незнакомые, портреты на обоях незнакомые, кровать в полкомнаты, тоже совсем не то, что в Париже. И воздух совсем другой: сырее и потяжелее, чуть-чуть устрицами пахнет. В окно круглый фонарь смотрит, шипит и на дожде покачивается.

Неуютно стало мышши, вскарабкалась по вязаному одеялу на кровать к хозяину — все же свой человек...

А дело было так: вчера ее хозяин белье да разные бумаги в чемодан закинул, в дорогу собрался. Мышь из-под стола смотрела, и пришла ей в мышью голову фантазия на чистом белье поваляться... Влезла тихонько в чемодан, а хозяин возьми да и закрой крышку. Протряслась часа три в поезде в сетке и к ночи вот в чужом городе, в чужой комнате и очутилась...

— Пи! Какое досадное положение...

— Кто вы такая, как вы сюда попали, и почему вы нарушаете в посторонней квартире тишину? — спросила сидевшую на одеяле гостью появившаяся из-под комода толстая старая мышшь.

— Я? Приехала с хозяином по делам из Парижа. У него нет детей, и он всегда берет меня с собой... Но мы так часто с ним путешествуем, что я даже не знаю, куда мы, собственно, теперь приехали: в Копенгаген или в Берлин...

— В Брюссель. А зачем вы сюда пожаловали?

— Мы пишем сценарий из жизни парижских мышшей, и я самая главная героиня. Для пьесы нам, кстати, нужно несколько неуклюжих служанок. Парижские мышши слишком грациозны, но вы бы, например, подошли. Хотите, я за вас замолвлю словечко? Выговор у вас, простите, тяжелый, как недопеченная булка, но для кинематографа это неважно.

Брюссельская мышшь обиделась. — Не нуждаюсь! Я из солидной фламандской семьи, и вертеть в кинематографе хвостом мне не пристало. У моей хозяйки, честной и доброй старушки, тоже нет детей, но у нее есть попугай, с которым я в большой дружбе. Попугай получает два раза в день кусочки поджаренного мяса, а вто-

рое орехи и семечки и на третье — шоколад. Он очень щедр и, когда ест, разбрасывает пищу во все стороны, а я, конечно, подбираю... у вас, должно быть, более изысканная пища, ишь как у вас живот подвело...

— Нет, что же... это я ради моды похудела. Кусочек поджаренного мяса я бы, впрочем, охотно съела, или ломтик шоколада... — пискнула парижская мышшь.

Намек, кажется, достаточно ясный, но брюссельская толстуха поскребла лапками брюшко и отвела разговор подальше от съестного:

— Не понимаю, почему это у меня на животе волосы вылезают? У вас в Париже тоже?.. И вообще, пока люди спят и нам никто не мешает, расскажите-ка мне, что у вас делается в Париже...

— В Париже? Чудесная жизнь. Кошки в последнее время выходят из моды. Заводят собак, но мы, мышши, ничего против этого не имеем. Иные хозяйки, правда, держат еще тибетских и сибирских кошек, наряжают их в ошейники,

Саша Черный.

Портрет работы В.Фалилеева.

берут с собой в лес... Но эти твари тоже мышшей не едят, и я однажды даже дернула тибетскую кошку за бантик, а она как фарфоровая: вылинула голубые глазки и ни с места... А вообще у нас весело! В каждом доме граммофон и танцы. Хозяева танцуют сверху, а мы внизу. На рассвете пробираться в квартиру и поедаем бисквитные и шоколадные крошки... Что вам еще сказать? Усики выходят из моды, хвосты тоже, я слышала, будут стричь. Недавно в нашем клубе был конкурс худобы и приз получила мышшка, которая вся могла уместиться в чехле для зубочистки...

— Так зачем же вы переехали в такой старомодный город, как Брюссель?.. У нас, слава Богу, живут прочно, хвостов не стригут, едят до отвала и про черный день в укромный уголок провизию откладывают.

— Я ведь вам говорила, — жеманно объяснила парижанка, — что мы приехали сюда с хозяином, чтобы поработать здесь в тишине над сценарием из мышшиной жизни...

Брюссельская мышшь иронически повела носом.

— Бросьте! Вы хоть и парижанка, но даже врать правдоподобно не научились... Ваш хозяин самый обыкновенный скупщик кроличьих шкурок, и вы ему так же нужны, как крысе слоновьи клыки. Объясните мне наконец толком, как вы попали к нам в Брюссель?

— Не знаю... А скажите, как у вас относятся в Брюсселе к новым мышам?

— К каким это новым?

— Ну к таким, которым бы понравился ваш город и они бы вздумали у вас поселиться...

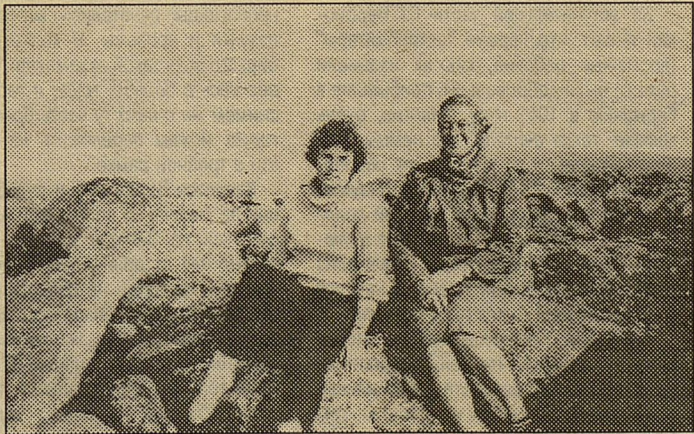
— Это вы, душечка, о себе что ли говорите? Зачем же вам у нас селиться? Вы так грациозны, и хозяин вас любит, как родную дочь. Нет уж, бросьте. Солидных мышам мы всегда рады. Впрочем, солидных у нас уже полный комплект: плотность мышшиного населения сверх нормы. А уж такие легкомысленные пищаики, вроде вас, нам, сударыня, не ко двору. Ни одно мышшиное общество вас к себе на порог не пустит. А бродяжничество у нас строго преследуется, — все закоулки на чердаках и в подвалах на учете...

— Так что же мне делать?! — растерянно запищала мышшь-парижанка. — Простите, пожалуйста! Я совсем не кинематографическая примадонна, и хозяин вовсе не брал меня с собой... Он меня захлопнул крышкой в чемодане, вот и все. Но что же мне теперь делать? У вас такие симпатичные усики, и вы даже немножко похожи на мою покойную тетю. Я на все согласна, не сердитесь на меня: я тоже пополнею и стану неуклюжей, только не гоните меня с этой квартиры... Я умею делать модные прически и буду массировать ваши лапки, только...

— Нет, нет, — покачала головой брюссельская мышшь. — Я на вас не сержусь больше... Но не могу же я выпустить вас к себе в квартиру. Что скажет хозяйка? Что скажет попугай?

Окончание на стр. 12

Анна Саакянц и Ариадна Эфрон на Диксоне. 1965.

лями, лугами, лесами, реками, чудесными деревянными деревушками... "Приближаемся к Перми, — пишет она другим знакомым, — нет, кажется, большого города по этой (и соседним) трассам, где я не сживала бы по этапным тюрьмам".

И так далее — десяткам, думаю, разных адресатов... Восемнадцатого утром мы прибыли в Красноярск. Моросил дождь, начавшийся, когда поезд въехал в зону тайги. На перроне нас встречали супруги Вера и Николай Поповы, милые и гостеприимные люди. Оба — родом из Харбина, в России около двенадцати лет; он — сын русского консула, она — дочь стрелочника. Их сыновьям было тогда восемь и шестнадцать лет. Устроив нам царский прием, они отвезли нас в отличную гостиницу, с отдельными номерами и телефонами.

А дальше начались поистине праздничные дни: гости, прогулки, поездки. Ариадна Сергеевна с особой симпатией относилась к Коле Попову: «длинному, седому, худому, очень интеллигентному и деликатному», как я расписала в письме к родителям. У него был маленький автомобильчик, прозванный Ариадной Сергеевной «Антилопа»; владелец его обожал и с удовольствием возил нас по городу и окрестностям, хотя был очень занят, «главный инженер-строитель Красноярска» — как почти-точно записано у меня. В промежутках нас закармливали до отвала «сибирской кухней» — делом рук гостеприимной Веры, и Ариадна Сергеевна философствовала на тему о сибирских пельменях, сибирском здоровье и... начинающем (тогда еще!) портиться здоровом сибирском климате. Так называемое «Красноярское море» — рукотворный враг приро-

ды — уже начало делать свое черное дело, изменяя естественную континентальность климата. Сильные морозы в сочетании с сыростью приводили к непривычным заболеваниям; поговаривали даже о вспышках туберкулеза. То было лишь начало огромной экологической катастрофы края. Мы, можно сказать, еще застали «райские куш»...

Двадцатого июля Коля свозил нас на место, где недавно начала строиться Красноярская ГЭС, — в сорока километрах от города.

«Туда ехали в «Ракете» по Енисею, — пишу я домой. — Красота берегов несказанная; все в горах и лесах, напоминает Дунай в Югославии, только громаднее. Посреди всей этой красоты, на месте бывшего скита, у ручьев Филаретова и Гермогенова, стоит Дивногорск — 30-тысячный город строителей ГЭС. Он очень напоминает польский горный курорт Закопаны, где я была. ГЭС — нечто очень грандиозное, трудноописуемое, с громадной котловиной на месте бывшего дна Енисея (Енисей «перекрыт»). Народу почти не видать, все делают механизмы. Ариадна в восторге, а я в ужасе от всего этого. Главное в том, что, по-моему, этого ничего не нужно, и очень жаль роскошную природу. Обратились на такси по горам и долинам — и это красивее, чем Кавказ и заграница».

Ариадна Сергеевна, действительно, по-детски восторгалась «механизмами», которые все делают за человека; у нее было изумительное настроение, и никаких комплексов по поводу гибели природы. Она равно радовалась и «великой стройке», и красавцу Дивногорску, где повезло жить строителям. Хотя, как я уже сказала, она понимала вред и растущую опасность Красноярского «моря» — да и не только этого. Я прекрасно помню, как она подчас зорче других видела пороки и преступления системы, раньше всех чувствовала абсурдность многих сторон тогдашней жизни. Как рассуждала о том, что у нас за деньги практически сделать ничего нельзя: ни приобрести то, что хочется, ни путешествовать (даже по своей стране, ибо в городах практически нет гостиниц), ни — ни — ни. Напомню: был всего лишь 1965 год, и с каждым месяцем эти уродства только разрастались. С ужасом говорила Ариадна Сергеевна об участии беспаспортных колхозников, сравнивала их существование с лагерным. Много о чем еще говорила она, открывая мне глаза на трагедию страны... И при всем том ей казалось, что жить, невзирая ни на что, становится лучше и веселее: строятся дома, люди въезжают в новые квартиры, и т.п. Впрочем, об огромных противоречиях в уме и душе этой незаурядной женщины, умнее которой я, пожалуй, не встречала в своей жизни, — когда-нибудь в другой раз.

Москва

Продолжение следует.

Библиотека им. Тургенева

открыта по вторникам, четвергам и субботам с 15 до 19 ч.

11, rue de Valence, Paris-5.
Tél.: (1) 45.35.58.51.

О мыши, которая легкомысленно забралась в чемодан

Начало см стр.11

И, наконец, поджаренного мяса вовсе не так уж много! Знаете что? Вы ведь можете обратно добраться до Парижа в чемодане, так же точно, как приехали сюда...

В самом деле. Парижская мышь с досады даже себя за хвост куснула: как же она сама не догадалась об этом? И вспомнила заодно, что на дне чемодана лежит целый пакет с бисквитами... О! А она унижалась, как какая-нибудь мышь, сбежавшая из погоревшего дома.

— Благодарю вас за совет... Одно из двух: или вы уж очень простоваты, или я, действительно, гениальная артистка... Я перед вами простушку от скуки разыгрывала, а вы и лапки растопырили... Слушайте, я вам серьезно советую подумать. Завтра мы с хозяином отправляемся в кругосветное путешествие. Для нашего сценария нужна служанка. Хотите проветрить мозги и есть каждый день голландский сыр? Подумайте, до утра времени много. А теперь ступайте, милая, в ваш чулан, что вы тут перед глазами торчите?..

И так дерзко она это сказала, что брюссельская мышь из своей же комнаты на цыпочках покорно

в коридор вышла и хоть бы слово нашлась ей в ответ молвить.

Утром человек вскочил с постели, умылся и весело сказал вошедшей в дверь с кофейным прибором хозяйке:

— Доброе утро, тетя! А чемодан, знаете, я решил оставить у вас, стар уж очень. Белье в газету заверну, против вокзала куплю себе чемодан и переложу...

У парижской мыши сжалось под умывальником сердце... Брюссельская мышь ехидно наступила ей лапкой на хвост и пискнула:

— Что-о?

— Впрочем, — сказал человек, — не люблю я ваших брюссельских чемоданов... Прочен, как уют, неуклюж, как корова... Доеду со своим, а в Париже куплю новый.

— Что-о?.. — пискнула парижская мышь, наступая лапкой на хвост брюссельской толстухе.

САША ЧЕРНЫЙ

<1926>

Публикация
АНАТОЛИЯ ИВАНОВА

Москва